

Кэти М. Ди

В объятиях Нави.
Невеста с приданым

Кэти Ди

**В объятия НаВи.
Невеста с приданым**

«Автор»

2026

Ди К. М.

В объятия НаВи. Невеста с приданым / К. М. Ди — «Автор»,
2026

Что делать, если вместо пятизвёздочного отеля ты попала в дремучее славянское фэнтези, а вместо карамельного латте тебя окатило заговорённым Навым взваром? Правильно — не паниковать и спасать косметику! Валерия, обычный секретарь из Москвы, из-за чужих деревенских разборок стала официальной невестой Лешего. Связи нет, асфальта нет, зато есть два огромных чемодана с патчами и стальные нервы. Пока местная ведьма пытается спрятать попаданку от Хозяина леса, сама Лера уже вовсю оптимизирует процессы в избушке и строит кикимор по КРІ. Леший думал, что получит покорную жертву, но он ещё никогда так сильно не ошибался

© Ди К. М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Гла	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Кэти Ди

В объятия НаВи. Невеста с приданным

Глава 1

Гори оно всё синим пламенем, у меня отпуск!

Глава рекламного холдинга «Авангард» напоминал растревоженный муравейник, в который кто-то плеснул литром двойного эспresso. Стены из стекла и бетона, панорамные окна с видом на деловой центр, дизайнерские пуфы неоновых цветов и бесконечный гул. Где-то в глубине опенспейса креативщики яростно спорили, можно ли использовать образ розового гуся для рекламы строительной компании, а менеджеры по продажам висели на телефонах, обещая клиентам «золотые горы и луну в подарок».

Валерия сидела на своем законном рабочем месте — за огромной стойкой ресепшена из белого искусственного камня. Это было её королевство. Перед ней высился новенький моноблок, на котором каждые три секунды всплывали уведомления, стоял органайзер с идеально заточенными карандашами и чашка с остывшим зелёным чаем.

Сама Лера сегодня выглядела как сошедшая с обложки глянца: идеальный вечерний смоки-айс, уложенные локоны и роскошное изумрудное платье-комбинация из натурального шёлка, которое выгодно подчеркивало фигуру. На ногах красовались умопомрачительные шпильки Christian Louboutin — одиннадцать сантиметров чистой гордости и боли. Лера оделась так не просто так: сразу после работы она планировала заскочить домой за собранным чемоданом и рвануть в аэропорт. Завтра утром её ждало море, белый песок и две недели полного цифрового детокса.

Внутренний таймер Леры вёл обратный отсчет. До конца рабочего дня оставалось ровно семь минут. Она уже мысленно пила «Пина Коладу» под шум прибоя, как вдруг селектор на столе зашёлся истошным писком.

— Валерия! Срочно ко мне! И захватите папку по тендеру «РосМясоПром»! — проорал из динамика голос генерального директора, Аркадия Борисовича.

Лера глубоко вздохнула, досчитала до трех, сохраняя на лице профессиональную улыбку «я-рада-вам-помочь-пожалуйста-умрите», и нажала кнопку ответа:

— Аркадий Борисович, папка у вас на почте. И на вашем столе. И в трех дубликатах у ваших замов.

— Валера, не умничайте! Тут правки от клиента! Они хотят, чтобы сосиски на баннере выглядели «более патриотично и духовно»! Срочно несите документы, нужно переписать концепт!

Лера закатила глаза так сильно, что едва не увидела собственный мозг. Она поднялась со стула, изящно поправила шёлковую юбку и поплыла в кабинет босса. Каблуки уверенно и хищно цокали по дорожному ламинату.

В кабинете директора царил хаос. Аркадий Борисович, мужчина пятидесяти лет в расстёгнутом дорогом пиджаке и с галстуком набок, яростно листал распечатанные макеты.

— Вот! Посмотри на это! — он ткнул пальцем в изображение сосисок на фоне триколора. — Клиент говорит, неубедительно! Надо добавить... не знаю, берёзок! Или куполов на задний план! Валерия, свяжись с дизайнерами, пусть переделают до утра.

Лера подошла к столу, плавно забрала из его рук многострадальный макет и посмотрела на наручные часы. Ровно 18:00.

— Аркадий Борисович, — её голос прозвучал мягко, но в нём отчетливо слышался хруст ломающегося льда. — Моё рабочее время официально окончено. Через три часа у

меня регистрация на рейс. Завтра в это же время я буду лежать на шезлонге, и единственное «РосМясо», о котором я буду думать — это сочный стейк средней прожарки.

— Валера, какой отпуск?! У нас дедлайн! Проект горит! — директор умоляюще уставился на неё. — Ну кто, кроме тебя, может успокоить этих сумасшедших из отдела дизайна? Они же без тебя снимут анимацию, где сосиски танцуют калинку-малинку!

— Для этого у вас есть три проектных менеджера и целый штат аккаунтов, — Лера лучезарно улыбнулась и аккуратно положила папку обратно на стол. — Заявление на отпуск подписано вами лично еще месяц назад. Чемодан ждёт у двери. Билеты в сумочке. Так что, Аркадий Борисович, при всём уважении к духовным сосискам — гори оно всё синим пламенем. До встречи через две недели.

— Валерия, это саботаж! — крикнул он ей вдогонку, но Лера уже выходила из кабинета, победно цокая шпильками.

Вернувшись к ресепшену, она одним решительным движением выключила моноблок. Экран погас, унося с собой сотни неотвеченных писем, рабочих чатов и неадекватных правок. Лера подхватила свою сумочку, проверила в зеркале макияж — смоки-айс держался намертво, помада не размазалась.

— Ну всё, море, встречай свою королеву, — прошептала она, накидывая на плечи легкий тренч.

Дорога до дома превратилась в суровый логистический квест под названием «Успей за сорок минут, пока Москва окончательно не встала в глухие девять баллов». Лера ворвалась в свою квартиру как ураган. Счёт шёл на секунды. Тренч полетел на пуфик в прихожей, а сама она на ходу скидывала рабочую одежду, направляясь напрямик в ванную.

Горячий душ за рекордные четыре минуты смыл с неё весь офисный стресс, запах чужих распечатанных макетов и духовные сосиски Аркадия Борисовича. Выскочив из ванной, Лера критически осмотрела себя в зеркале.

— Так, Валерия, расслабляться рано. Начинаем операцию «Эстетика», — скомандовала она себе.

Первым делом — волосы. Её фирменное угольно-чёрное каре требовало идеальной геометрии. Лера вооружилась утюжком для волос, выпрямляя прядь за прядью с такой дотошностью, будто от этого зависел годовой контракт холдинга. Волосы легли волосок к волоску, зеркальным шёлком обрамляя лицо.

Следом пошёл макияж. Старый смоки-айс был безжалостно смыт, а на его месте развернулось настоящее бьюти-искусство. Лера вывела такие безупречные, острые чёрные стрелки, которыми можно было буквально резать стекло, наложила сияющий хайлайтер и завершила образ ультра-стойким блеском от Fenty Beauty с эффектом жидкого стекла.

Финальный штрих — одежда. Лера достала из шкафа лёгкое, струящееся изумрудное платье-комбинацию на тонких бретельках. Шёлк прохладной волной скользнул по коже. На ноги она надела сногшибательные чёрные босоножки на тончайшей шпильке. Да, лететь в самолёте на каблуках — преступление против комфорта. Но Лера была непреклонна: она обязана выйти в терминал прилёта южного курорта так, словно сошла с подиума, а не выползла из эконом-класса после двух часов турбулентности.

— Идеально. Мужчины, держитесь, — ухмыльнулась она отражению.

Оставалось самое страшное — чемоданы. Их было два. Огромных. Ярко-розовых.

Лера подошла к ним, мысленно пересчитывая содержимое: «Патчи — три упаковки, фен с диффузором — есть, аптечка на все случаи зомби-апокалипсиса — на месте, четырнадцать нарядов на четырнадцать дней — упакованы». Закрыв замки с титаническим усилием и едва не сломав идеальный маникюр, она схватила ручки обоих гигантов.

Выкатывать два огромных чемодана из квартиры на шпильках, удерживая равновесие — это вам не презентации перед инвесторами защищать. Это была высокая эквилибристика.

— Так, левой, правой, держим спину, не падать! — бормотала Лера, катя свои розовые танки по коридору подъезда. — Если я выжила три года на ресепшене «Авангарда», меня никакой багаж не сломает.

Кое-как дождавшись лифта и спустившись вниз, она буквально вывалилась на улицу, где её уже ждало жёлтое такси класса «Комфорт плюс». Водитель, увидев шикарную девушку в изумрудном шёлке, которая уверенно шагает по асфальту на умопомрачительных шпильках и тащит за собой два баула, тут же выскочил из машины с округлившимися глазами.

— Девушка, давайте помогу! Вы как картинка, куда же вы с такими тяжестями? — всплеснул он руками, перехватывая чемоданы.

— В аэропорт, дорогой, в аэропорт! Навстречу счастью и полному отсутствию интернета! — весело отозвалась Лера, изящно запрыгивая на заднее сиденье и блаженно вытягивая длинные ноги.

Машина тронулась. За окном замелькали огни вечернего города, а Лера закрыла глаза, уже предвкушая, как через несколько часов она пройдёт через гейт, шагнёт на телетрап и окажется на борту самолёта.

Жёлтая машина затормозила у залитого неоновыми огнями терминала Шереметьево. Лера вышла из салона, вдохнула этот особенный, ни с чем не сравнимый воздух путешествий — смесь керосина, дорогого парфюма и предвкушения свободы — и победно улыбнулась.

Московский аэропорт жил своей грандиозной, суеливой жизнью. Огромное футуристическое здание из стекла и стали сверкало тысячами ламп. Потолки уходили куда-то в бесконечность, а под ними висели гигантские электронные табло, на которых сотнями строчек сменяли друг друга рейсы: Дубай, Стамбул, Мале, Бангкок. Вокруг шумел многоголосый улей. Народу было невероятно много: целые семьи с горами сумок, деловые мужчины в строгих костюмах, громкие туристические группы и стюардессы в безупречных формах, плавно катящие за собой маленькие чемоданчики.

Лера на их фоне выглядела как настоящая суперзвезда, случайно сбежавшая со съёмок рекламы. Изумрудный шёлк платья-комбинации мягко переливался под лампами аэропорта, каре лежало волосок к волоску, а чёрные стрелки делали взгляд невероятно уверенным. Окружающие невольно оборачивались, провожая глазами эту эффектную брюнетку, которая с гордо поднятой головой шла сквозь толпу.

Лера улыбалась одними глазами, хищно и целенаправленно выискивая в этом бесконечном пространстве стойки регистрации. Ей нужно было избавиться от своих розовых баулов. Катить за собой два огромных чемодана по глянцевому, гладкому полу аэропорта было сплошным удовольствием — колёсики приятно шуршали, а шпильки Louboutin отстукивали уверенный ритм: цок, цок, цок.

Остановившись у огромной декоративной инсталляции, Лера изящным движением растянула брендовую сумочку. Она достала распечатанный билет, просто чтобы в сотый раз насладиться строчкой «Статус: подтверждён», и проверила время. До посадки оставался целый час — идеальный тайм-менеджмент. Затем она выудила новенький смартфон. На экране гордо светились заветные «100%». Полная батарея — символ абсолютного триумфа над рабочими буднями.

— Такое упускать нельзя, — прошептала Лера.

Она выставила руку вперед, поймала идеальный ракурс, где на заднем плане красиво размывались огни взлётно-посадочной полосы, и сделала селфи. На фото она получилась безупречно: дерзкая, роскошная и бесконечно счастливая отпускница. Спрятав телефон, Лера крепче перехватила ручки обоих розовых чемоданов и решительно пошла к нужной стойке ресепшена.

Но Москва не отпускает своих пленников так просто.

Из плотной, спешащей толпы пассажиров внезапно, словно чёрт из табакерки, вышагнул высокий мужчина. Он яростно строчил что-то в своём телефоне, вообще не глядя по сторонам, и на полном ходу, как гружёный локомотив, врезался прямо в Леру.

— Ой! — только и успела пискнуть она.

Удар был такой силы, что Леру отбросило назад. Шпилька предательски поехала по скользкому полу. В любую другую секунду она бы растянулась на глазах у сотен людей, но годы работы в рекламном холдинге выработали у неё стальную хватку. Лера мёртвой, почти спасительной хваткой вцепилась в выдвижные ручки своих тяжелых чемоданов. Розовые гиганты сработали как надежные противовесы — они удержали её на ногах, хотя спина выгнулась в опасной дуге.

Она устояла. Но радоваться было рано.

В руке незнакомца, которую он вскинул от неожиданности при столкновении, был огромный пластиковый стакан. И в следующую секунду на Леру лавиной пролился ледяной, густой кофе, щедро сдобренный карамельным сиропом.

Жидкость липким, грязным пятном ударила точно в грудь, мгновенно пропитывая изумрудный шёлк дорогого платья, пачкая шею и стекая уродливыми бурыми ручьями вниз по юбке, прямо на открытые пальцы в чёрных босоножках.

Лера замерла, глядя на то, во что превратился её идеальный образ за секунду до отпуска.

Лера замерла, боясь даже вздохнуть. Липкая, ледяная карамельная жижа медленно расплзалась по нежной ткани, превращая изумрудное шёлковое совершенство в грязную половую тряпку. Кофе стекал по ключицам, затекал под бретельки платья, а пара жирных тёмных капель умудрилась шлёпнуться прямо на её безупречный педикюр.

Она зажмурилась, сосчитала до трёх и медленно моргнула один раз. Потом второй. Третий.

«Это сон. Это просто предполётный кошмар секретаря, — судорожно крутилось в голове. — Сейчас я открою глаза, Аркадий Борисович подпишет отчёт, и я проснусь в своей чистой постели».

Она снова заморгала, надеясь, что парень с пластиковым стаканом растает как морок, а её платье вернёт свой сочный королевский цвет.

Но карамельный сироп на коже оставался до омерзения реальным и холодным. Парень перед ней уже открыл было рот, чтобы выдать дежурное:

«Ой, девушка, простите, я не хотел...», как вдруг весь мир вокруг Леры сошёл с ума.

Звук московского аэропорта — этот привычный гул сотен голосов, шуршание шин чемоданов и строгие объявления рейсов по громкой связи — резко, в одну микросекунду, выключился. Словно кто-то выдернул шнур из розетки. Глянцевый пол Шереметьево под её шпильками пошёл яростной неоновой рябью. Воздух вокруг зазвенел так, что заложило уши, а в следующую секунду Лера почувствовала, как под ней разверзлась абсолютная, глухая пустота.

Она не просто споткнулась — она в один миг словно провалилась в бездонную невидимую дыру. Живот скрутило от бешеной перегрузки, как на самых жутких американских горках, а перед глазами пронеслась круговерть из фиолетовых искр и грозových туч.

Бабах! Хруст! Шлёп!

Лера резко открыла глаза, судорожно хватая ртом воздух, словно после долгого ныряния. Руки сводило судорогой — даже в момент этого сумасшедшего падения в неизвестность её хватка не подвела. Пальцы до белых костяшек по-прежнему сжимали выдвижные ручки обоих ярко-розовых чемоданов.

Голова казалась тяжёлой, а мир вокруг был перевернут вверх тормашками. Лера попыталась пошевелиться и поняла, что её брендовая кожаная сумочка, которая до этого мирно висела на ремешке через плечо, теперь каким-то чудом нахлобучена ей прямо на макушку, полностью закрывая обзор.

Но самым жутким было не это. Прямо под ней — под её бёдрами, шёлком платья и шпильками — кто-то яростно шевелился. Из-под Леры доносилось истошное, утробное кряхтение, переходящее в ультразвуковой, панический визг, словно там, внизу, заживо резали упитанную деревенскую свинью.

Лера единым рывком сдёрнула сумочку с головы, яростно тряхнула безупречным чёрным каре и вытаращилась на то, что происходило вокруг.

Вокруг Леры раскинулась самая настоящая, дореволюционная... деревня. По обе стороны грунтовой дороги, усеянной ямками и камнями, высились бревенчатые избы с резными наличниками. Пахло сеном, костром, парным молоком и навозом. На заборе ошалело замер петух, который от неожиданности подавился собственным «ку-ка-ре-ку».

Сама Лера сидела посреди этой пыльной дороги прямо верхом на перепуганной девице в холщовом сарафане и с длинной русой косой. Девица лежала на животе, упёршись носом в землю, и издавала те самые порсячьи, истошные звуки, не в силах даже пошевелиться от шока.

Рядом в пыли валялись два огромных, вызывающе-розовых пластиковых чемодана. Один из них сиротливо крутил колесиком в воздухе. Тут же валялся расколотый глиняный кувшин, из которого вытекала тёмно-красная, густая ягодная жижа.

Глава 2

Сладкий взвар и горькая зависть

Княжеский терем старосты возвышался над остальной деревней Вербицы, словно сытый коршун над гнёздами воробьёв. Срубленный из вековых, просмоленных брёвен, он сверкал на солнце резными карнизами, а его крыша была покрыта дорогой лемеховой чешуёй. Внутри царил густой полумрак, пахнувший воском, сушёной мятой и дорогими заморскими тканями.

Дочь старосты, Агафья, сидела на резной дубовой скамье у широкого окна-волока. Солнечный луч падал на её расшитый жемчугом кокошник и тяжёлую, отливающую золотом косу. В руках девушка держала деревянные пяльцы с тонким льняным полотном, выводя иглой сложный узор из шёлковых красных нитей. По крайней мере, пыталась выводить. Игла то и дело вонзалась в ткань не там, где нужно, потому что все мысли и взгляд Агафьи были прикованы к залитой солнцем деревенской улице.

Там, мерно покачивая широкими плечами, шёл Иван. Самый статный, синеглазый и завидный парень во всех Вербицах. Его русые кудри красиво трепал тёплый ветер, а белая рубаша с вышивкой на вороте подчёркивала крепкую грудь. Агафья затаила дыхание. Сердце в её груди забилося чаще, а на губах заиграла торжествующая улыбка. Она уже подалась вперед к открытому окну, открыв рот, чтобы звонко окликнуть парня и поманить его в терем...

Как вдруг из-за угла соседской избы, прямо ему навстречу, вышла Любава. Улыбка Агафьи мгновенно застыла, превращаясь в ледяную гримасу. Она до белых костяшек сжала деревянные пяльцы. Любава, завидев Ивана, тут же остановилась и принялась судорожно тереть кончик своей длинной русой косы. Щёки деревенской замарашки в один миг залил густой, девичий румянец. Иван тоже замер. Вся его напускная молодецкая уверенность куда-то испарилась — он смущённо улыбнулся, запустил пятерню в свои кудри и принялся неловко чесать затылок, переминался с ноги на ногу. Парень сделал шаг ближе, наклонился к Любаве и что-то тихо, ласково ей сказал. Любава счастливо кивнула. В следующую секунду Иван смело перехватил её маленькую ладошку, и они, звонко смеясь, наперегонки побежали вдоль деревни, скрываясь в тени цветущих лугов.

В горле Агафьи заклокотала обжигающая ярость.

— Тварь навозная... — прошипела она сквозь зубы, провожая их бешеным взглядом. — Ишь, за косу схватилась, завертелась, выдра болотная! Краснеет она! Смотреть тошно!

Агафья резко поднялась со скамьи, тяжело и часто дыша. Её грудь бурно вздымалась под парчовым сарафаном.

— Да как у него глаза-то повернулись на эту серую мышь смотреть?! Она же нищая, у неё из приданого — три облезлые курицы да дырявое корыто! Она не заслуживает такого парня, как Иван! Ей вон конюх Матвей в самый раз будет! Пусть вместе в навозе ковыряются да конские хвосты крутят, ровня под стать ровне! А Иван моим должен быть! Моим! Я княжеская дочь, мне всё лучшее полагается!

В приступе злости Агафья с размаху швырнула дорогие пяльцы на пол. Тонкий шёлк с треском порвался, а жемчужины мелким дождём раскатились по деревянным половицам. Наступив на вышивку каблуком расшитого сапожка, она решительным шагом направилась к выходу из терема.

Лицо её было бледным, а в глазах горел опасный, тёмный огонёк.

Агафья пулей выскочила на высокое крыльцо терема, тяжело хватая ртом воздух. На её холёном лице ходили желваки. Она с ненавистью поглядела в ту сторону, где за околицей, среди золотистой ржи, только что скрылись счастливые Иван и Любава. В груди пекло так, словно туда плеснули кипящей смолы.

В этот момент мимо крыльца, высоко задирая лапы, важно шествовал огромный соседский петух. Он победно косился на Агафью своим круглым глупым глазом.

— А ну пошёл вон, пустозвон пернатый! — рявкнула княжеская дочь и со всей злости шугнула птицу носком сапожка.

Петух оскорблённо заверещал, взмахнул крыльями и, теряя на ходу перья, кубарем полетел в крапиву. Агафья же, даже не взглянув на устроенный разгром, яростно запахла душегрею и стремительно зашагала прочь со двора, направившись в строго противоположную от влюблённых сторону.

На самой окраине Вербиц, там, где деревню душили цепкие заросли чертополоха, дикой малины и крапивы в человеческий рост, сиротливо лепился к земле покосившийся домик. В народе его обходили за версту — это была обитель болотной ведьмы Матрёны. Сама Агафья отродясь к ней не обращалась. Родовитой княжне не пристало знаться с нищей каргами. Более того, когда старая ведьма раз в месяц проходила мимо терема, Агафья демонстративно плевала через левое плечо и шептала: *«Тьфу на тебя, соль тебе в глаз, чертополох в дышло!»*, лишь бы старая не успела наколдовать сглаз на её девичью красоту.

Но сейчас спесь слетела. Агафья упрямо шагала вперёд, утопая сапожками в придорожной пыли. Правда, фамильная гордость ещё боролась с нуждой: каждые десять шагов девушка пугливо оглядывалась по сторонам, проверяя, не следит ли кто за ней из-за заборов. Если в деревне узнают, куда держит путь дочка старосты, позора не оберёшься.

Убедившись, что улица пуста, Агафья взбежала на хлипкое крылечко избушки и толкнула дубовую дверь. Без стука. Как хозяйка.

В нос тут же ударил тяжёлый, удушливый концентрат запахов. Пахло печной гарью, сырым болотным мхом, резкими горькими травами и чем-то неуловимо кислым, от чего глаза Агафьи мгновенно заслезились, а в горле запершило.

— Фу, ну и вонища у тебя, карга, — с порога скривилась Агафья, брезгливо прикрывая нос шёлковым платком. — Словно покойника в печи забыли.

За колченогим столом, залитым воском от сальных свечей, сидела сама Матрёна. Старуха выглядела так, будто была ровесницей здешнего леса: лицо в глубоких морщинах, похожих на трещины в коре, седые растрёпанные патлы и хитрый, цепкий взгляд живых карих глаз. Из-под её пальцев на стол сыпались сушёные головки мака и корешки. Прямо рядом с её костлявым локтем, свернувшись плотным глянцевым клубком, лениво спал огромный угольно-чёрный кот. При появлении незваной гостьи он даже ухом не повел, лишь лениво приоткрыл один жёлтый глаз и презрительно зевнул. Ведьма медленно подняла голову. На её губах заиграла насмешливая, понимающая ухмылка.

— Ой, глядите-ка, кто к моей развалюхе пожаловал! — проскрипела Матрёна, картинно всплеснув руками. — Сама Агафья Даниловна, княжеская кровь! А чего ж не плюёшься, девица-краса? Чего ж ко мне спиной не поворачиваешься, как на ярмарке? Али сапожки расшитые в нашей крапиве испачкать не побоялась?

— Замолчи, старая! — Агафья зло хлопнула ладонью по столу, отчего чёрный кот недовольно зашипел и переполз на печь. — Я к тебе по делу пришла, а не зубы твои гнилые слушать.

— По делу-у-у, — протянула ведьма, лукаво прищурившись. — Знаю я твоё дело. Сердечко-то девичье горит, аки сухая береста в костре? Иван-то наш, сокол синеглазый, мимо твоего терема чешет, да всё к Любавиному крыльцу прибивается? Горько тебе, Агафьюшка?

Лицо Агафьи от ярости пошло красными пятнами. Она подалась вперёд, почти касаясь носом ведьмина лица:

— Изведи её, Матрёна! Сделай так, чтобы глаза его её больше не видели! Чтобы исчезла она, сгинула, растворилась! Я тебе за это три серебряных гривны дам и корову дойную с отцовского двора приведу! Старая ведьма тихонько захихикала, и этот звук был похож на хруст сухих веток под ногами.

— Живую душу извести — грех великий, Агаша. Да и батюшка твой меня на костре сожжёт, коли узнает. Но есть у меня одна задумка. Навьи силы нынче ночью близко к границе подошли, воздух аж звенит. Сварю я для твоей подруженьки особый взвар. Компот, по-вашему, по-молодому. Ягодки там знатные: черника болотная, волчье лыко да капля слезы покойника. Как испьёт она его или на себя прольёт — так Леший её меткой Нави пометит и в чашу свою заберёт. Навсегда. Будет ему невестой на веки вечные. Ну что, по рукам, княжна?

Агафья хищно улыбнулась. Её глаза лихорадочно блеснули:

— Вари, карга. Вари свой компот. Сегодня же Любава отправится прямиком к лесному чёрту!

Матрёна внезапно перестала хихикать. Её лицо сделалось строгим, а глубокие морщины на лбу собрались в суровую гармошку. Она внимательно, смерила Агафью взглядом с головы до ног, словно взвешивала что-то на невидимых весах, а затем покачала головой.

— Нет, княжна. Сварить-то я сварю, да только Навья магия — штука тонкая, как паутинка. Леший — хозяин чуткий. Если он в этом взваре мою колдовскую силу почует, он поймёт, что его обмануть пытались. Придёт тогда Хозяин леса ко мне в избу, и от меня даже косточек не останется. Сделай-ка ты лучше всё сама. Сама сварись, заклинание своими губами наговоришь и тёпленьким Любаве поднесёшь. Так оно даже вернее будет! Магия ляжет чисто, без чужого следа.

Агафья нетерпеливо махнула рукой, унизанной перстнями, отметаая все страхи старухи:

— Да мне плевать, кто варить будет, хоть конюх Матвей! Главное — избавь меня от этой выдры! Давай сюда свои поганки, говори, что делать!

Ведьма хмыкнула и тяжело поднялась со скамьи. Покопавшись в тёмном углу избы, где на верёвках сушились пучки каких-то подозрительных мохнатых растений, она вытащила потрёпанный холщовый мешочек. Внутри она щедрой рукой набросала сморщенные, иссиня-чёрные болотные ягоды, сухие колючие листья и корень, подозрительно похожий на сморщенный палец человеческой руки.

— Вот тебе ягода-черница со дна Ведьминого омута, вот волчье лыко, а вот корень разрыв-травы, — Матрёна протянула мешок Агафье. — Дома зальёшь всё колодезной водой, доведёшь до кипения. Как пойдёт по избе густой ягодный дух, трижды нашепчи прямо в пар: *«Взвар бурлит, Навь не спит. Леший-батюшка, иди по следу, бери девку Любаву себе в невесты. Кровь её — твоя кровь, очи её — твои очи. Да будет так»*. Запомнила?

— Запомнила, запомнила, — лихорадочно закивала Агафья, пряча мешок под душегрею. Её руки заметно дрожали от предвкушения скорой победы.

— Ну, ступай. И помни: компот должен быть тёплым, когда она его выпьет или прольёт на себя, — напутствовала ведьма, снова усаживаясь за стол. Чёрный кот на печи согласно и зловеще мурлыкнул.

Агафья выскочила из избышки ведьмы, словно за ней гнались волки. Она снова пугливо огляделась по сторонам, накинула на лицо платок и тихонько, аккуратно, стараясь держаться в тени придорожных ив, побежала обратно к своему терему. На её счастье, батюшка-староста уехал на ярмарку в соседнее село, а прислугу она заблаговременно выставила вон под предлогом уборки амбаров.

Оказавшись на просторной княжеской кухне, Агафья дрожащими руками растопила печь, плеснула в огромный чугунок чистой воды и высыпала туда ведьмин сбор. Вода быстро потемнела, окрашиваясь в зловещий, чернильно-красный цвет. Вскоре по терему поплыл странный, одурманивающий аромат — пахло дикой сладкой земляникой, но с какой-то горькой, удушливой ноткой болотного тумана. Когда компот яростно забурлил, вздымая багровые пузыри, Агафья наклонилась над самым чугуном, едва не обжигая лицо паром, и яростно, со всей копившейся в ней злобой, трижды прошипела ведьмино заклинание. Ей показалось,

что в этот миг пламя в печи на секунду вспыхнуло фиолетовым огнём, а в углу кухни кто-то тихо и гадко захихикал.

Но Агафью это не напугало. Она аккуратно перелила тёплый, липкий взвар в красивый глиняный кувшин, накинула на плечи нарядный платок и выбежала на улицу. Её глаза лихо-радочно блестели.

Она пошла вдоль деревни, высматривая Любаву, чтобы преподнести ей свой «смертельный подарок».

Агафья шла по узкой тропинке, мерно покачивая бедрами и тихонько напевая под нос весёлую плясовую песню. Глиняный кувшин приятно согревал ладони. Вдруг она резко замерла, и песня оборвалась на полуслове. Осенило!

— Батюшки — прошептала она, похолодев. — Я же имя её в заговоре упомянуть забыла! Просто сказала «*девку возьми*»!

Она обернулась назад, в сторону ведьминой избы, раздумывая, не вернуться ли. Но чугунок-то дома уже остыл, а заново разводить печь времени не было — Любава могла уйти. Агафья раздражённо махнула рукой в дорогом перстне и упрямо пошла дальше:— Да ладно, какая разница? Компот-то тёпленький, заговорённый. Пить его всё равно Любавка будет, больше некому. Магия сама разберётся, кто тут девка, не дура чай. Удачливость сегодня была на её стороне. Стоило Агафье выйти к развилке возле колодца, как она заметила подругу. Любава шла по тропинке, запыхавшаяся, со счастливой, блуждающей улыбкой на губах. Вся её холщовая рубаша была аккуратно расправлена, а щёки горели таким пунцовым румянцем, будто она только что выскочила из жаркой бани.

Агафья мгновенно нацепила на лицо самую ласковую, приторно-сладкую улыбку, на которую только была способна, и приветливо помахала рукой:— Любавушка! Подруженька! А я тебя как раз ищу! Любава вздрогнула, выныривая из своих девичьих грез, и послушно подошла ближе, робко поправляя косу.

— Ой, Агаша Привет, — тихонько отозвалась она, пытаясь унять частое дыхание.

— И откуда же ты у нас такая разгорячённая идёшь, а? — Агафья прищурилась, хищно разглядывая её лицо. — Никак в лесу за земляничкой бегала? Что-то корзинки у тебя не видать. Или не за ягодами ходила?

Любава вспыхнула ещё сильнее, став похожей на спелый мак, и смущённо опустила глаза в землю, судорожно теребя край фартука.

— Да ладно, ладно, не рассказывай, дело-то молодое! — наигранно рассмеялась Агафья, хотя внутри её всю трясло от злости. Она ласково коснулась плеча девушки и протянула ей глиняный кувшин. — Помощь твоя мне нужна, Любавушка. Я тут взвар ягодный сварила, компот по-новому. Да только сомневаюсь вся Не попробуешь? Может, сахара туда больше надо али мёду? Ты-то у нас знатная кулинарка, а я ведь только учусь хозяйство вести. Помогии, будь подругой! Отец сказал, к вечеру гости важные из города намечаются, угостить их хочу, чтоб батюшке перед ними стыдно не было. Любава, у которой было доброе и абсолютно бесхитростное сердце, искренне улыбнулась. Её тронула такая мнимая забота княжеской дочки.

— Да господь с тобой, Агаша, конечно помогу! Ты умница, что за ум взялась, — похвалила она подругу и протянула руки к глиняному сосуду.

Любава бережно взяла кувшин пальцами, поднесла его к лицу, вдыхая странный, одурманивающий аромат болотных ягод.

И в эту самую секунду небо над Вербицами со страшным, оглушительным треском разорвалось пополам.

Прямо над головами девушек закрутилась и вспыхнула фиолетовыми искрами гигантская воздушная дыра. Любава даже испугаться не успела, как из этой дыры с диким, нечеловеческим визгом сверху прилетело нечто — зелёное, блестящее, благоухающее карамельным сиропом и бешено машущее руками.

Бабах!

Валерия, удержавшая в падении ручки двух своих огромных розовых чемоданов, на полной скорости, как ядро из пушки, рухнула точно на стоящую под ней Любаву. В момент страшного удара кувшин со взваром взлетел вверх, перевернулся в воздухе и... весь тёмно-красный, густой, липкий магический компот лавиной вылился прямо на упавшую Леру, намертво пропитывая её испорченное кофейное платье и впитываясь в кожу.

Любава лишь тоненько, по-пороссячи пискнула, когда её намертво придавило к земле весом городской девки и двух тяжелых баулов.

Глава 3

Стресс-интервью в Вербицах

Пыль после грандиозного крушения осела, обнажив картину полнейшего, хтонического ужаса. На несколько секунд над улицей повисла такая оглушительная тишина, что было слышно, как на заборе испуганно и часто икает петух. Три девушки замерли, пребывая в состоянии глубочайшего шока, переходящего в панику.

Любава, распластанная на грунтовой дороге, судорожно ловила ртом воздух и не решалась открыть глаза, уверенная, что её раздавило каретным колесом. Агафья, стоявшая чуть поодаль, побелела как свежесвеженная печь. Кувшин пуст, план пошёл ко дну, а посреди Вербиц нагло восседает заморское чудище в блестящей чешуе.

— Да чтоб вас всех с вашим тайм-менеджментом! — яростно прошипела Лера, нарушая тишину.

Она ловко, несмотря на высоченную шпильку уцелевшей босоножки, поднялась на ноги. Её буквально трясло от злости. Лера принялась судорожно отряхивать подол платья, но пальцы лишь вязли в липкой, густой жиже, которая теперь покрывала её с головы до ног. Лера непроизвольно облизнула губы, на которые тоже попали брызги, и тут же скривилась, издав брезгливый звук:

— Тьфу! Какая гадость! Это что вообще за дрянь на меня только что вылилась?! То ли сироп просроченный, то ли помой из привокзальной чебуречной!

Она яростно вытерла рот тыльной стороной ладони. На запястье в этот момент зловеще пульсировала свежая чёрная метка из Навьих лоз, но Лере было не до татуировок. Она подняла глаза и наткнулась на взгляды местных девиц. Любава уже успела сесть в пыли, поджав под себя ноги, а Агафья так и осталась стоять каменным изваянием с вытянутыми руками, в которых секунду назад был кувшин. Обе девушки смотрели на Леру расширенными, круглыми от дикого страха глазами, едва дыша.

— Чего глаза выкатили, кастинг объявили?! — гаркнула на них Лера, упирая руки в бока. — На неадекватных клиентов в офисе не насмотрелись?! Помогли бы лучше багаж поднять!

Но, высказав это, Лера сама осеклась. Она наконец-то замерла и впервые по-настоящему огляделась вокруг. Злость на секунду уступила место полнейшему недоумению. Её взгляд скользнул по деревянным избам, по телеге с сеном у забора, а затем вернулся к девушкам. Кокошник на одной, холщовый сарафан на другой, лапти, косы до пояса...

— Так, стоп, — Лера сделала глубокий вдох, пытаясь включить профессиональную секретарскую выдержку. — Юля, если это исторический квест на выезде, то где аниматоры с шампанским? Девушки, алло, очнитесь! Что это за место вообще? Где терминал Б? Где мой ресепшен, аэропорт и, главное, самолёт до моря?! Я через два часа должна лежать на пляже и пить коктейль, а не стоять посреди этнографического музея! Что у вас тут случилось, почему декорации такие натуральные?!

Любава и Агафья переглянулись. Дикие, непонятные слова чужестранки вроде «аэропорт», «самолёт» и «ресепшен» окончательно добили их деревенский рассудок. Для них это звучало как страшные, чёрные заклинания Навьего языка, которыми вызывают мертвецов.

Любава сдавленно пискнула, пятясь назад на четвереньках прямо по грязи, а Агафья, растеряв всю свою княжескую спесь, задрожала всем телом.

— Э-это Вербицы деревня, — едва слышно, сиплым от ужаса шепотом выдавила из себя Любава, указывая пальцем на Леру. — А мы мы не знаем, про какие моря ты баешь, госпожа

— Колдунья! — вдруг истошно, на всю улицу завизжала Агафья, окончательно потеряв контроль. — Новая колдунья с неба свалилась! Помощница чертова! Заговор чёрный творит! Она нас сейчас в жаб превратит!

— Спасите-помогите-е-е! — хором запищали обе девушки.

Любава подскочила на ноги, Агафья подобрала сарафан, и они, не разбирая дороги, с дикими криками разбежались в разные стороны вдоль улицы, скрываясь за высокими деревянными заборами.

Лера осталась стоять посреди пустой, пыльной дороги в гордом одиночестве. Один её ярко-розовый чемодан тихонько покачивался на боку, а сверху на него медленно капал карамельно-ведьминский компот.

— Ну зашибись, — резюмировала Лера, глядя вслед удравшим «аниматорам». — Клиенты ушли в глухой отказ, обратная связь отсутствует. И как мне отсюда такси заказывать?

Паниковать Валерия не собиралась. В рекламном холдинге её учили главному правилу: в любой кризисной ситуации сначала привести в порядок лицо компании. А лицом компании сейчас была она сама.

Изящным, отточенным движением Лера расстегнула испачканную сумочку и выудила оттуда маленькую пачку влажных салфеток с ароматом ромашки и круглое дизайнерское зеркальце. Первым делом она тщательно вытерла липкие ладони, а затем с трепетом заглянула в отражение. На неё смотрели всё те же идеальные, острые как бритва чёрные стрелки и сочный гляцевый блеск на губах. Компот из волчьих ягод оказался бессилён против люксового бренда.

Лера довольно, торжествующе улыбнулась своему отражению.

— Нет, ну дорогая косметика явно себя окупила! — довольно проговорила она, подмигивая зеркалу. — Даже от этих местных помоев ничего не потекло. Вот что значит водостойкая формула!

Она аккуратно, чтобы не задеть каре, стёрла багровые потёки со лба, промокнула шею, ключицы и прошлась салфеткой по рукам. Но стоило Лере опустить взгляд ниже, как её сердце облилось кровью. Платье. Роскошный, нежный шёлк цвета сочного изумруда был безнадежно, беспощадно испорчен огромным бурым пятном прямо на груди и юбке. От карамельного латте и ведьмина взвара ткань пошла жуткими разводами.

— О-о-о — обречённо укнула Лера, оглядывая масштаб катастрофы, и в ярости прикрикнула в пустоту улицы, куда удрали девки: — Вы вообще знаете, сколько оно стоит?! Бестолочи в сарафанах! Это же новая коллекция! Я за него половину тринадцатой зарплаты отдала!

Понимая, что претензии предъявлять некому, Лера сунула зеркальце обратно и достала смартфон. Экран приветливо моргнул, демонстрируя заветные сто процентов зарядки. Полная батарея вселяла надежду, пока взгляд Леры не переместился в правый верхний угол дисплея.

«Нет сети».

Она высоко подняла руку с зажатым телефоном, смешно вытягиваясь на одной уцелевшей шпильке и пытаясь поймать хотя бы самый дохлый сигнал. Но палочки связи даже не думали появляться.

— И что мне делать без связи? — проворчала Лера, сердито сдвинув брови. — Как без интернета жить в этой глухомани? Эй! Поделитесь паролем от вайфая! — снова во всю глотку прокричала она в сторону ближайшей избы. — Или хотя бы скажите номер местного такси! Яндекс сюда едет вообще?!

Ответом ей было гробовое молчание. Лишь на заборе снова ошалело кукарекнул тот самый облезлый петух. Лера от неожиданности вздрогнула, едва не выронив мобильник, и зло зыркнула на птицу:

— А ну заткнись, будильник недоделанный! И без тебя тошно.

Выбора не было. Торчать посреди дороги и ждать, пока липкий компот на шёлке окончательно засохнет, не имело смысла. Лера крепче перехватила выдвижные ручки двух своих огромных розовых чемоданов, гордо вскинула подбородок и направилась вдоль по деревенской улице.

Вот тут-то и начался настоящий ад. Деревенская тропа, усеянная колдобинами, засохшей грязью, острыми булыжниками и коварными ямками, совершенно не была рассчитана на высокую моду. Тонкие одиннадцатисантиметровые шпильки Louboutin то и дело намертво уходили в грунт по самые пряжки. Лере приходилось балансировать, как канатоходцу в цирке, то толкать, то тащить за собой розовые баулы, которые то и дело подпрыгивали на кочках.

Цок... Хруст... Цок... Тр-р-р... — разносилось по притихшей деревне.

— Да ладно! Это просто издевательство! — в сердцах ругалась Лера, едва не подвернув ногу на очередном булыжнике. — У меня стресс! У меня дикий стресс! В двадцать первом веке люди уже нормальный асфальт везде положили, плитку Собянин три раза в год перекладывает, а у них тут всё пятнадцатый век какой-то! Ни одной ровной тропы! Где дорожные службы?! Куда жалобу писать?! Вы тут вообще про существование катков и щебня слышали, чучела лапотные?!

Лера упорно ковыляла вперёд, волоча за собой подпрыгивающие на кочках ярко-розовые баулы. Наконец она поравнялась с одним из деревянных домиков, у забора которого стояла местная жительница в повойнике и застиранной холщовой рубаше. Женщина как раз держала в руках самодельный берёзовый веник и с подозрением разглядывала шагающую по грязи изумрудную фурию.

Лера остановилась, тяжело перевела дух и прикрикнула, обращаясь к ней через забор:

— Эй, бабушка! Подскажи, как отсюда такси вызвать? И где тут у вас переодеться можно?! А то ваши местные аниматоры совсем берега попутали!

Деревенская баба от такой наглости аж воздухом поперхнулась. Она яростно нахмурилась, упёрла свободную руку в бок и оскорблённо крикнула в ответ:

— Да какая я тебе бабушка, бесстыжая?! Мне всего тридцать пять годков исполнилось!

Лера замерла, опустила взгляд на её сухую, потемневшую от солнца кожу, глубокие морщины вокруг глаз и обветренные губы. Мозг выдал моментальную реакцию. Валерия критически выгнула бровь и язвительно пошутила:

— Да ладно? Тридцать пять? Ну, дорогая, к косметологу бы тебе сходить... Выглядишь на все пятьдесят восемь! SPF-кремом надо пользоваться, слышала про такое?!

Баба от таких непонятных, но явно обидных слов налилась пунцовым цветом. Она с воплем замахнулась на Леру своим веником, готовая перетянуть наглую девку по шёлковой спине. Но стоило Валерии сделать шаг ближе к забору, как солнечный луч выхватил её лицо с идеальными острыми стрелками, блестящие на солнце шпильки и — самое страшное — чернильный узор Навых лоз, который зловеще пульсировал на её правом запястье.

Взгляд деревенской женщины упал на эту чёрную метку. Веник замер в воздухе. Баба резко сжалась, побледнела и принялась судорожно, истово креститься, пятясь к крыльцу своей избы:

— Избави бог... Пронеси и помилуй... Ведьма! Ведьма Навья явилась!

Немного придя в себя от шока, она трясущимся пальцем ткнула в сторону глухой, заросшей чертополохом окраины деревни:

— Туда тебе, нечисть подколодная! Туда топай, к Матрёне-карге! Не пакости честным людям!

Лера проследила взглядом за её пальцем, ведущим к покосившейся избушке на самом краю Чёрного Бора, а затем раздражённо фыркнула:

— Какая я тебе нечисть, карга?! Это ваши местные меня тут какими-то тухлыми помоями облили! Никакого этикета, никакого сервиса! Дикари!

Развернувшись на пятках, Лера снова потащила свои чемоданы. Передвигаться стало ещё веселее: одна её шпилька Louboutin сломалась окончательно, поэтому теперь она забавно ковыляла, припадая на одну ногу и пружиня на носочке другой, чтобы хоть как-то удерживать равновесие.

Глава 4

Клиент всегда прав, даже если он ведьма

Кое-как одолев последние сто метров заросшей чертополохом тропы, Лера наконец-то остановилась возле покосившейся избушки на окраине Вербиц. Чемоданы с глухим стуком завалились набок, подняв облачко серой пыли. Лера согнулась пополам, тяжело и шумно задыхаясь. Болело всё: спина, щиколотка без уцелевшего каблука и пальцы рук, намертво стёртые о пластиковые ручки багажа.

— Так, Валерия, соберись. Ты лицо компании, — прошептала она себе под нос, утирая капельку пота со лба.

Одним волевым движением она расправила плечи, выпрямила спину так, словно шла на ковёр к генеральному директору, и уверенно шагнула на хлипкое крыльцо. Лера вежливо, но настойчиво постучала в дубовую дверь.

Тишина. Лишь в глубине Черного Бора зловеще ухнул филин.

Лера нахмурилась и постучала снова, уже сильнее. Ноль реакции. Тогда, потеряв остатки терпения, она решительно толкнула дверь от себя и вошла внутрь без приглашения.

— Ау! Есть кто дома? — громко крикнула Лера, брезгливо перешагивая через высокий порог и затаскивая следом свои розовые баулы. — Добрый день! Клиентский сервис у вас, конечно, оставляет желать лучшего...

Она зажмурилась от резкого запаха гари и сушёных жаб, но, разглядев за столом сухонькую старуху в растрёпанных седых паклях, Лера искренне обрадовалась. Хоть один вменяемый человек в этой глухомани, который не замахивается на неё веником!

— Ой, простите, женщина! — Лера лучезарно улыбнулась своей самой профессиональной улыбкой «для важных партнёров». — Меня к вам ваши местные направили. Мне бы такси вызвать, если можно. И ещё, если вас не затруднит, можно я у вас тут в соседней комнате переоденусь? Ваши деревенские аниматоры совершенно под ноги не смотрят! Такой наряд шикарный испортили, облили какой-то дрянью... А я ведь на самолёт опаздываю, у меня отпуск горит!

Старая Матрёна медленно, со скрипом подняла голову. Её хитрые живые глаза уставились на Леру. Ведьма шумно втянула носом воздух, принялась и мгновенно нахмурилась — от незваной гостьи разило одновременно сладким карамельным кофе и свежесваренным Навьим взваром.

Взгляд старухи скользнул по изумрудному шёлку платья, грязным босоножкам и замер на правом запястье городской девки. Чёрные лозы Навьей метки там пульсировали так ярко, что их было видно даже сквозь кофейные разводы.

— Проклятье — тихонько просипела Матрёна, хватаясь за голову. — Ну Агашка, ну неуклюжая жаба! Всё перепутала, девка дурная!

Лера озадаченно проследила за взглядом старухи и только сейчас заметила странный чернильный узор у себя на руке. Лозы сплетались в затейливую, живую татуировку, которая неприятно покалывала кожу.

— Ой, да где я снова грязь-то подцепила? — испуганно шепнула Лера. — Точно эти помои деревенские въелись!

Она тут же на автомате выудила из сумочки очередную влажную салфетку и принялась с остервенением тереть запястье. Надавливая так, что кожа покраснела, но чёрный узор даже не подумал размазаться. Наоборот, лозы словно зашевелились под кожей ещё быстрее.

— Не старайся, милая, — хмуро буркнула ведьма, наблюдая за её тщетными попытками. — Не смоешь. Это заклятие. Навья метка на тебе.

Лера замерла с салфеткой в руке. Она вытаращила свои идеально подведённые глаза на старуху, пару секунд переваривала информацию, а потом весело, облегчённо рассмеялась:

— Ладно, шутка удачная! Пять баллов за актёрскую игру, бабуль. Атмосферно, не спору. Я вообще не знаю, как я в ваш тематический парк попала. Вроде на работе не пила, только кофе... Наверное, это такси или у Гугла в навигаторе сбой случился, и он привёз меня сюда. А я уж во сне, походу, ресепшен искала. Короче, прекращаем шоу. Мне бы просто такси до Шереметьево. Вызовите со своего телефона, пожалуйста, а то у меня тут связи вообще нет. Полный ноль палочек!

Матрёна молча смотрела на Леру, как на умалишённую. Чёрный кот на столе лениво потянулся, сел и уставился на розовые чемоданы с таким видом, будто тоже прикидывал, сколько Лере осталось жить до прихода Лешего.

Матрёна тяжело вздохнула, со скрипом отодвинула деревянную лавку и не спеша подошла к Лере. На её старом лице не осталось и следа прежней насмешливости. Старуха осторожно, но крепко взяла городскую гостью за запястье, прямо поверх чернильных Навых лоз, и мягко потянула на себя.

— Да брось ты эти баулы свои чудные, присядь лучше, дочка, — негромко, почти по-матерински сказала ведьма, указывая на колченогий табурет. — Послушай старую. Заклятие это. Самое настоящее, грозное. Чужую метку ты на себя забрала, чистая случайность то была, сбой в чародействе. Агашка взвар заговорила, а вылила-то на тебя. И теперь Леший, хозяин Черного Бора, за тобой упрямо шагать будет. По следу твоему пойдёт, из-под земли достанет, потому как ты нонеча — Навья невеста.

Лера снова прыснула, покачав головой, и аккуратно высвободила руку из сухих пальцев старушки.

— Ой, ну всё, ладно, хорош! — Валерия выпрямилась, и в её голосе зазвучали те самые строгие, металлические нотки личного помощника генерального директора. — Достаточно шуток, бабуль. Актёрам передайте, что им пора премию выписывать, кастинг они прошли. Но я реально опаздываю. Мне не нужен этот ваш лесной косплей. Где тут у вас выход к цивилизации?

Матрёна лишь горько усмехнулась.

— Не веришь, значит? Ну гляди, девка упрямая.

Ведьма резко, с сухим щелчком хлопнула в ладоши прямо перед носом Леры.

В ту же секунду в избе потемнело. Очаг старой печи яростно ухнул, и оттуда с треском вылетела огромная туча багровых и фиолетовых искр. Они не опали на пол, а закружились посреди избушки в бешеном, светящемся вихре. Прямо в воздухе искры начали сгущаться, срастаться, обретая чёткие, живые очертания маленьких рогатых чертят с длинными хвостами и горящими глазками. Угольно-чёрный кот на столе истошно зашипел, вздыбив шерсть, а сами огненные существа загоготали на всю избу тонкими, противными голосками, выделявая в воздухе сальто.

— Ой! — пискнула Лера.

От неожиданности она резко вжала голову в плечи, отступая на шаг назад и едва не запутавшись в собственном шёлковом подоле. Сердце у неё ушло в пятки, а по спине пробежал вполне реальный, ледяной мороз. Но годы работы в рекламном холдинге, где нужно было фиксировать каждый факап подрядчиков, выработали у неё железные рефлексy. Вместо того чтобы бежать или падать в обморок, Лера инстинктивно выхватила из сумочки свой смартфон и, лихорадочно ткнув пальцем в экран, включила камеру.

Объектив новенького телефона чётко поймал в кадр пляшущих посреди древней избы огненных чертей. Лера вела камерой из стороны в сторону, затаив дыхание, пока ведьма снова не взмахнула рукой — и вихрь с тихим хлопком растворился в воздухе, оставив лишь лёгкий запах серы и жжёной бересты.

Наступила тишина. Лера медленно опустила телефон, нажала на кнопку «Стоп» и с замиранием сердца включила только что записанное видео на повтор. На экране без каких-либо задержек и лагов кружились самые настоящие мифические твари, а на заднем плане чётко виднелось обалдевшее лицо кота.

Валерия вытаращила свои идеально накрашенные глаза на дисплей, потом перевела ошарашенный взгляд на Матрёну, сглотнула и хриплым голосом выдавила:

— Обалдеть... Слушайте, спецэффекты просто огонь! Это что, дополненная реальность? Голограмма нового поколения?! Какой бренд вам это настраивал? Наш холдинг за такую технологию душу бы продал!

Старуха Матрёна лишь обречённо покачала головой, прикрыв глаза ладонью.

— Навь великая... — прошептала ведьма в пустоту. — Кого ж мне Навь подсунула? Девка к ней лицом к лицу, а она в свою коробочку светящуюся тычет да про эффекты бает. Пропала ты, милая. Ох, пропала.

Лера хотела было язвительно вставить, что— то ещё, но её взгляд случайно упал на собственное правое запястье. Салфетка выпала из пальцев.

Чернильный узор из лоз, который ещё минуту назад скромно обвивал её руку, вдруг ожил. Прямо на глазах Леры тонкие чёрные ответвления, похожие на цепкие корни терновника, начали медленно, но верно разрастаться под кожей. Они поползли вверх, к предплечью, неприятно покалывая и обжигая холодом. Это было не тату. Это было... живое.

Вот тут-то Лере впервые по-настоящему стало страшно. Столичный лоск с неё мгновенно слетел, сердце испуганно ухнуло куда-то в район босоножек, а дыхание перехватило.

— Э-эй Бабуль, — Лера сглотнула, и её голос впервые дал ощутимую осечку, став тонким и испуганным. — А почему эта грязь ползёт? Она она шевелится! Что это такое?!

Матрёна резко посерьёзнела. Она схватила Леру за руку, вглядываясь в чернеющие вены, и лицо старухи побледнело, став похожим на сухую бересту.

— Разрастается, значит — зловеще прошептала ведьма. — Почуял взвар. Почуял чужую кровь. Это значит, дочка, что Леший уже идёт. Хозяин леса к избе шагает.

Лера судорожно выдернула руку, пятясь назад и вжимая голову в плечи.

— Да какой ещё Леший?! — в панике закричала она, округлив идеально накрашенные глаза. — Что ему вообще от меня нужно?! Я секретарь! Я документы Аркадию Борисовичу согласовывала! При чём тут ваше дерево ходячее?!

— При том, что ты теперь его невеста перед Навью! — прикрикнула в ответ Матрёна, лихорадочно хватая со стола мешочки с солью. — Навья невеста! Агашка, выдра косорукая, взвар-то для Любавы заговорила, чтоб Леший её в чашу утащил да из деревни извёл! А Любава кувшин выронила, и всё варево на тебя вылилось! Навь — она слепая, девка. Она имя в заговоре не услышала, зато кровь твою ягодным соком пометила. Всё, суженая ты его теперь по закону леса!

Лера замерла. Страх в одну секунду сменился такой бешеной, чистокровной яростью, что её чёрное каре, казалось, даже приподнялось. Она нахмурилась, сердито сдвинула брови и яростно упёрла руки в бока, плевав на липкое платье.

— Что?! — рявкнула Валерия на всю избу, аж кот под лавкой вздрогнул. — То есть из-за каких-то местных деревенских разборок и чужих романов я я не полетела на море?! Из-за того, что две бабы парня не поделили, у меня сгорели билеты в пятизвёздочный отель?! Да я этот отпуск год выгрызала сквозь зубы!

Она сделала угрожающий шаг к ведьме, гневно дыша:

— Так, женщина. Мне плевать на вашего Лешего, на Навь и на Любаву с её Иваном! Сворачивайте это шоу. Говорите прямо сейчас: как мне вернуться обратно? Где тут у вас обратный портал, дверь, люк в Шереметьево? Выдайте мне инструкцию, я сама всё сделаю!

Матрёна лишь тяжело вздохнула и беспомощно пожала худыми плечами, пряча глаза:

— Вернуть — не верну, дочка. Не в моих это силах. Проход между мирами сам открылся, когда Навь истончилась, а как его обратно запереть да тебя сквозь него протолкнуть — того ни одна земная ведьма не ведаёт. Тут магия повыше моей нужна

Лера почувствовала, как земля уходит из-под ног. Без связи. Без интернета. В каком-то лохматом веке.

— Вы издеваетесь — обречённо прошептала она.

— Но ты не горюй раньше времени! — ведьма вдруг воинственно вскинула подбородок и стукнула кулаком по столу. — Обратно в твой мир я тебя не закину, а вот от Лешего спрячу! Не бывать тому, чтоб Хозяин в моей избе невинную девку сцапал! Помогу тебе, берегами закрою, отварами метку глушить станем. Живой он тебя отсюда не заберёт!

Лера посмотрела на решительное лицо старухи, потом на свои розовые чемоданы и глубоко вздохнула, возвращая себе привычную рабочую выдержку:

— Ну зашибись. Логистика провалена, бюджеты сгорели, сидим в глухой обороне. Ладно, бабуль. Будем работать с тем, что есть. Показывайте, где у вас тут мыло, и начнём ваш кризис-менеджмент.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.